

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН



ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 32
(2555)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена рецензия на книгу Гая Стэндинга «Прекариат: новый опасный класс», опубликованная в книге В. В. Федорова «Ума палата» (М., 2023).

Вологда
февраль 2025

**Рецензия В. В. Федорова на книгу Гая Стэндинга
«Прекариат: новый опасный класс» (из кн. «Ума палата». М.,
2023)**



Гай Стэндинг

Прекариат: новый опасный класс

М.:Ад Маргинем, 2014

Глубокие социальные изменения, сопутствовавшие глобализации и триумфальному шествию неолиберального «турбокапитализма», не могли не отразиться на социальной структуре общества. Западные социологи внимательно наблюдают^Т за происходящим, пытаясь зафиксировать изменения в соотношении классовых сил. Особая удача – если удастся выделить (придумать?) новый класс. Если американец Ричард Флорида изобрел «креативный класс» – новых королей жизни, которым якобы принадлежит будущее технологической цивилизации, то британец – Гай Стэндинг принес нам весть о далеко не таком удачливом и амбициозном, но более многочисленном, страдающем и даже «опасном» классе, который он назвал «прекариат». Ученый представляет современную социальную структуру в виде семиступенчатой лестницы. На самом ее верху – «крошечная элита из невероятно богатых граждан мира, заправляющих вселенной». Ниже находится «салариат» – высокопоставленные и хорошо оплачиваемые служащие государства и крупных корпораций. Еще ниже – «квалифицированные кадры» (англ, profitians),

обладающие высоко ценимыми на рынке навыками, что дает им возможность много зарабатывать, не теряя независимости. Рабочий класс располагается еще ниже. Наконец, на пятой ступеньке мы видим прекариат, ниже которого – только армия безработных и «обособленная группа социально обездоленных, живущих подачками общества».

В отличие от салиариата, прекариат не имеет никаких доверительных связей с государством. В отличие от пролетариата – никаких гарантий труда, пособий, профсоюзов и партий как инструментов лоббирования и защиты. В отличие от квалифицированных кадров, у него нет высоко- или среднестатусных профессиональных или ремесленных навыков, необходимых рынку в любой ситуации. Главное отличие прекариата – его положение «временного работника», лишаящее его гарантий занятости и возможностей профессионального развития, а также профессиональной самоидентификации (приходится хвататься за любой заработок, тут уж не до разборчивости).

Этот класс также страдает от статусного диссонанса, естественного для людей с относительно высоким уровнем образования и карьерных ожиданий, которые вынуждены соглашаться на малооплачиваемую и малопрестижную работу. За этим следуют нестабильность доходов и финансовая уязвимость: пособия для безработных им не дают, помощи от предприятий и учреждений, положенной постоянным работникам, тоже. В случае нужды им почти некуда обратиться, поэтому они постоянно заняты поиском работы.

«Считается, что прекариат будет трудиться, как потребуется и когда потребуется», в то время как о его проблемах заботиться некому. «Зловещим символом глобализации, электронной жизни и отчужденного труда» Стэндинг называет постоянно растущую массу сотрудников колл-центров. И действительно: прекариат родился и вышел на сцену общественной жизни благодаря неолиберальным реформам 1980-х годов, глобализации 1990-х и постоянно подпитывается ростом аутсорсинга, развитием телекоммуникаций и дистанционной работы.

Прекариат – класс весьма неоднородный, указывает автор, в него входят все, кого объединяет особый тип работы: вынужденный, случайный и ненадежный. И это

превращает их в «резидентов», то есть жителей страны, ограниченных в правах по сравнению с полноценными гражданами. Сюда входят мигранты; люди, живущие на пособие; временные работники, которым не светит карьера; криминализованная беднота; многочисленные «стажеры» – выпускники вузов, не нашедшие работы. Численность всех этих групп резко возросла в эпоху глобализации: она облегчила международную миграцию, но не улучшила правовой статус мигрантов.

Криминализация тоже резко выросла, но по парадоксальной причине: пришедшие к власти неолибералы увеличили количество деяний, которые считаются преступными. Сегодня задерживают и сажают гораздо больше людей и по большему числу поводов, чем до Тэтчер и Рейгана! А ведь каждый арест – это «волчий билет», который резко снижает шансы человека найти нормальную работу и сделать карьеру. Число временных работников резко выросло из-за разрушения социального и трудового законодательства послевоенной лейбористской эпохи: правительства сделали ставку на «гибкость рынка труда», чтобы не проиграть в резко усилившейся международной конкуренции. Но эта гибкость имеет и обратную сторону: невероятно увеличилось количество людей без постоянной работы. И больше всего страдает молодежь, которую государства без большого успеха пытаются оформить на работу любыми способами – хотя бы в качестве почти неоплачиваемых «стажеров».

«Прекариат не ощущает себя частью солидаризованного трудового сообщества. От этого усиливается отчужденность и неуверенность». У него пока почти нет собственных организаций, своей идеологии и программы. Но таких людей все больше, и к ним все чаще присматриваются и обращаются политики – как правило, правого толка, эксплуатирующие повышенную тревожность и неуверенность прекариев. Они щедро указывают на врага, будь то мигранты или истеблишмент. Именно прекарии, по мнению Стэндинга, обеспечили подъем новых правых в США (Tea-party) и Западной Европе (книга вышла за пять лет до Брексита и избрания Трампа).

Поэтому, собственно, автор и называет прекариат «новым опасным классом». В условиях идейного и политического краха социал-демократов, изменивших рабочему классу в пользу «среднего», а пролетарской политике – в пользу неолиберальной, в

левом центре нарастает вакуум. «Прекариат – новый класс, и пока прогрессивное человечество не предложит политику рая, этот класс будет слушать голоса сирен, заманивающих общество на опасные скалы». Его сбивают с толку «демагоги вроде Берлускони, авантюристы вроде Сары Пейлин и неонацисты». Но что же это за «политика рая»? Не возврат к прошлому (лейборизм) и не примирение с действительностью, созданной неолиберализмом и глобализацией, но «освободительный эгалитаризм»!

Главное, что нужно прекариату, – это «экономическая защищенность, хоть какой-то контроль над планами и ощущение, что с потрясениями и опасностями можно справиться». Как этого добиться? Во-первых, возвращение полных гражданских прав тем, кто сегодня всего лишь резидент (прежде всего это касается права на работу для мигрантов и криминализованной бедноты). Во-вторых, реформа высшего образования, которое сегодня плодит выпускников без реальных знаний, но с завышенными ожиданиями. В-третьих, «полная товаризация труда», то есть введение оплаты (в форме государственных пособий) за тот труд, который сегодня не оплачивается – домашний, по уходу за нетрудоспособными родственниками и т. п. На этот труд также должны быть распространены все пособия и привилегии, сегодня доступные только постоянным наемным работникам – салариату и пролетариату.

В-четвертых, создание нового типа коллективных органов (не профсоюзов) в качестве представительств интересов прекариата на переговорах с государством и работодателями. Наконец, введение всеобщего базового дохода, который позволит прекариатам стать более разборчивыми к предложениям о временной работе и не соглашаться на что попало, тем самым постоянно стимулируя работодателей сокращать постоянную занятость в пользу временной. План, конечно, довольно утопичный, но разве не с появления утопий всегда начиналась борьба за улучшение жизни людей?